

КУБИКИ

РАССКАЗ

ОЛЬГА
ВАСИЛЬЕВА

Ольга Николаевна Васильева

Кубики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69552070

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассказ о том, как встречаются по одежке и насколько несущественен внутренний мир перед миром внешним.

Ольга Васильева

Кубики

Костик по молодости своей был тем парнем, чью фамилию каждая соседская девчонка примерила на своё имя, прописывая в дневнике, что прятала под подушкой. Он был в меру хулиганист, по вечерам брал батину восьмерку и форсил по соседним сёлам, не пьянел от бормотухи тётки Любы, которая и слона могла угандошить. Но самое главное, от чего сворачивали шеи все особы, от мал до тётки Любы, были кубики (произносим с придыханием, закатив глазки в блаженной улыбке).

Так вот эти кубики Костик часто обнажал то в огороде, то на сенокосе, то в драке, то у костра снимал с щедрого плеча рубашку, чтоб накрыть плечи понравившейся девчонки.

Кубики, к слову, шли в комплекте с крепкими бицепсами, трицепсами и прочими -псами. Попа как орех тоже прилагалась бонусом. Остальные парни на деревне, уж простите, хоть и старались соответствовать признанному Аполлону, но не дотягивали, а порой были его полной противоположностью. Как понимаете, и армия поклонниц у них была в разы меньше, а у прочих так и вовсе горизонт был девственно чист.

И, так как все девицы вздыхали по Костику, Костик пользовался тем, что само плыло в его руки. Любая, хоть мышь

серая, хоть красotka всего района Лариска, ходили с ним за остановку. Надо уточнить, что "сходить за остановку" – это было посерьёзней чем купиться на избитую фразочку "я подарю тебе звезду", серьёзней, чем ЗАГС и ипотека. Уломать деваху сходить в такое желанное и волнительное место для каждого достигшего половой зрелости мальчишки, значило достичь определённого уровня донжуанства.

После такого пацан получал одобрителные кивки и пятьюни с обязательным "красава". Девчонки, правда, страдали потом. Сами понимаете, даже если "ничего не было", шлейф оставался такой, будто было ВСЁ.

Так вот, галочки некуда было уже ставить, а переженился Костик на всех мало-мальски симпатичных девицах. Цену он себе знал. Лучшим и должны доставаться лучшие, думал Костик, и в сторону страшненьких смотрел разве что в "голодные дни", когда красавицы разъезжались с дачного посёлка по университетам и колледжам.

Местная банда бабок-сплетниц пророчили Костику раннюю свадьбу "по залёту" – не уследит пацан, как пить дать, не уследит. Но Костик не был бы Костиком, если бы не соблюдал все правила безопасности по ГОСТу. Был даже как-то прецедент, что белокурая стерва Катька, когда в подоле принесла, решила на себе ловеласа женить. Тот отказался даже когда Катькин батя с вилами наперевес гонялся за Костиком по огородам. Недолго гонялся, правда. К вечеру он уже с несостоявшимся зятем в баньке бормотуху тётки Любы упо-

требряли под копчёную стерлядь. Под рыбку Костик рассказал, к кому на самом деле нужно бежать с вилами, а через полгода сама Катька была посрамлена, предъявив миру совершенно конопатого и рыжего дитятку, так похожего на соседа Митрыча. Костик был оправдан по всем статьям.

В общем, женить через ЗАГС и церковь не получилось ни у одной – ни хитростью, ни уговорами. И тем не менее, парень оставался желанным трофеем.

И вот в деревне случилось великое девичье горе. Да если б тётка Люба померла и некому было бы снабжать мужиков бормотухой, и то пережили бы. Тут дело было серьёзней. Желанный трофей, он же Костик, он же обладатель таких привлекательных кубиков, покидал родное село. Девки рыдали да вешались. Одна даже пыталась топить. Дотопала до середины пруда с видом трагической Офелии, а тут вон какая нелепица – глубина-то по пояс. Пришлось воротиться не утопши.

Друзья же Костика, хоть и товарищи ему, но были рады такой оказии, потому как женское внимание в отсутствии местного Аполлона автоматически переключалось на кого-то менее симпатичного, то есть на всех остальных. Проводы ему устроили пышные, будто на Марс отправляли, а не в административный центр. Ещё год вспоминали, как пьяные девок на капоте катали.

Приветы Костик присылал неохотно, ссылаясь на занятость. Сам в деревню не ездил, но писал письма, мол "рабо-

таю, жениться не надумал, кушаю хорошо". Все в деревне нафантазировали себе невесть что вплоть до того, что у Костики свой торговый центр и ездит он на иномарках последней модели, а в любовницах у него ходит "Мисс Россия 1998". Всё это, конечно, мало что общего имело с действительностью, где Костик работал на станции техобслуживания, ездил на старой тарантайке, а чаще вообще ходил пешком. А любовницы, если и случались, то не дотягивали даже до вице-мисс города Саранска.

Валентина, мать Костики, получая редкую весточку от сына, собирала вокруг себя целый шабаш изголодавшихся девочек, где в торжественной обстановке зачитывала тощие письма. Все девки знали – с Валентиной нужно дружить, если хочешь сходить с Костиком за остановку. Потому на такие посиделки тащили кто что мог – кто холодец, кто шампанское, а кто польскую косметику.

В такие вечера Валентина даже осмеливалась гнать мужа к соседу и позволяла дать лишку, лишь бы под ногами не мешался. Тогда-то Валя ощущала некую власть над умами неопытных да неокрепших девичьи умов, представляя перед ними неким вселенским женским разумом, к которой можно обратиться за любым советом. Даже за таким, как подобрать поближе к возделенному объекту. Знал бы Костик, как льстило его маме, что такого сына родила, и как волнительно ждала возвращения его в родные пенаты.

И вот, три года спустя как гром среди ясного неба, про-

неслась по улицам ни много ни мало благая весть – Костик вернулся! Правда, его самого пока никто не видел, но сами знаете, в деревне такие новости распространяются как чума по средневековой Европе – стремительно и "ДА ЛАДНО!"

Все местные девки, среди которых была замечена даже тётка Люба, ринулись к его дому, но, застав на огороде только Валентину, визжащей гурьбой устремились непосредственно к ней. Мать Костика на все вопросы отвечала как-то нехотя, да и весь вид её был крайне озабочен. Правда, все почему-то списали это на усталость, хотя Валя была из тех русских баб, что в горящую избу не то, что входят, они на остановленном на скаку коне в неё влетают и тушат пожар, не дожидаясь службы спасения.

Но, если Валя думала легко отделаться, то она глубоко ошибалась. Девки с горящими глазами чуть ли не за грудки вытрясали из неё информацию.

"Ну да, приехал. Нет, без жены. Да работы в городе нету, так воротился. Вот хоть тут пригодится по огороду-то да на сенокосе", – а сама так жалостливо на девок смотрит, будто стыдно за что.

И тут кто-то в толпе девок ахнул. Бывает, знаете, такой девичий "ах" – восхищенный и пронзительный, будто чудо увидели или кольцо с бриллиантом в пять карат. После такого "ах" обычно сбываются все голубые и розовые мечты и умирают в один день по всем канонам детских сказок.

Так вот это был не он. Это был "ах, етить колотить твою

через дивизию мать-перемать". И вот после такого-то как раз все радужные мечты крошатся мелкой гранитной крошкой да прям по зубам.

На пороге Валькиного дома стояло без рубашки то, что осталось от Костика. Нет, не так. "То, что осталось" обычно говорят, когда человек тает на глазах, предъявляя миру свой опорно-двигательный аппарат. Здесь же, на порожишке, этот опорно-двигательный покрылся несколькими слоями того, от чего девушки обычно пытаются избавиться, сидя на диетах. Голова, ранее густо засеянная волосами цвета спелой пшеницы, поредела и явила миру глубокие залысины. А главное – причина всех эротических девичьих снов – пресловутые кубики деградировали в кружочки, точнее в один шар. Даже ноги, стройные крепкие когда-то ноги, теперь покосились буквой "X".

Вся ватага девиц дружно замерла, боясь вздохнуть или даже что-то сказать. Эта немая сцена могла бы посоревноваться с финалом "Ревизора".

– Кто эта? – первой подала голос тётка Люба и почему-то уставилась на Валентину. Все девки тоже с трудом отвели глаза от того, что раньше было Костиком, и молчаливо вопрошали Валетине: *"Не уследила, мать?"*

А мать и сама понимала, что-таки да, не уследила. В городе, где населения было как тысяча таких деревень, во столько же крат был размножен и Костик. Концентрация таких Костиков на один квадратный километр была столь велика,

что городское девичье внимание было рассеяно многократно. Выбор был как на южном рынке – много, красочно, но вроде как одно и то же. И вот, вспомните, когда ты прохаживаешься между рядов, попробовав на зубок то у одного продавца фиников, то у другого персиков, к выходу объедаешься и смотреть уже не можешь на всю эту экзотику.

Костик в деревне был как ананас на новогоднем столе в советской квартире периода застоя – один такой на весь район и все его хотели попробовать. И такой ананас в мегаполисе просто-напросто терялся среди кумкватов, манго и прочих бабанов.

Без такой пёстрой конкуренции парень цвёл, окружая себя толпой поклонниц. Вся эта толпа голодных до прекрасного тела девиц была лучшим стимулом, чтобы держать себя в форме. А что в городе? А в городе девки были этим пресыщены до тошноты, да и сами держались так, что хочешь-не хочешь, а придётся пройти отбор пожестче чем на конкурс "Мистер Вселенная". Да даже если и пройдёшь по физическим параметрам, будь ты хоть трижды Аполлон Бельведерский, помимо кубиков ты из себя должен что-то представлять. Ну, на худой конец, держать ларёк с овощами.

И Костик, понимая, что тут крыть ему нечем, стал хиреть на глазах. Нет, не хиреть. Покрывать жирком.

Сначала в ход пошли макаронки с сыром и шаурма, отполированные Кока-Колой. Пришли пять килограмм и прописались. Потом Костик стал фелонить и даже в магазин не

ходил, а ездил на своей колымаге. Ещё пять кэгэ пришли без приглашения и в наглую завладели филейной частью. Потом в ход пошли пиво и диван с телеком. И вот Костика оккупировало иго лишней массы тела вкупе с одышкой и плешью. Но сам Костик, чьи формы менялись постепенно, вроде как не замечал за собой кардинальных изменений. Конечно, если бы он взглянул на себя глазами девичьей толпы, которая сейчас с недоумением взирала на него, он бы понял, что трансформация была такой же существенной как перемены во внешности Майкла Джексона. И тут даже не скажешь, у кого получилось хуже.

Первой от толпы отделилась та самая барышня, что ходила топиться в пруд. Шажок за шажком, по стеночке, молча, пока не застукали, она шмыгнула за угол и растворилась на соседнем огороде. Пару минут спустя ряды поклонниц заметно поредели, остались только тётка Люба да ещё пять особо стойких. То ли ноги не шли от такого зрелища, то ли любопытно было, чем дело кончится.

Костик спустился с крыльца, при этом колыхнув своими необъятными телесами, чем спугнул ещё одну деваху. Разговор не клеился. *"Приехал? – Ага. – Надолго? – Посмотрим. – Как город? – Большой, да смотреть нечего. – Понятно."*

Девки прятали глаза, стараясь не смотреть на мамон. Тётка Люба, наоборот, тарацилась. Она-то, собственно и приняла весь огонь на себя. Расспрашивала Костика, закидав вопросами как из пулемёта, а пока тот что-то рассказывал,

шепнула девкам *"Тикайте!"* Валентина вслед сверкающим пяткам понимающе смотрела да грустно вздыхала. С прежним Костиком исчезла и вся та магия, что окружала её персону ореолом матери первого парня на деревне. С тех пор перестали к ней ходить девки. Никто больше не приносил ни Советского, ни заливного, ни пудру польскую. Не слушали её советов, не делились секретами.

Зато друзья Костика встретили его с распостёртыми объятиями. Никто вроде как и не замечал, что друг их не похож стал на прежнего себя. И только Володька, с которым Костик вместе тырил яблоки у Митрыча, ухмыльнулся и надел незримую корону на себя. По привлекательности рыльца и кубиков он раньше брал серебро, а теперь у него в руках были и Олимпийское золото и Оскар с Нобелевской премией. Недолго думая, он приударил за Лариской, первой красавицей, да женил на себе пока та не очухалась. И так всяк, кто стоял раньше на ступеньку ниже в этой иерархии, порасхватили всех девок. Надо сказать, что оборона барышень заметно ослабла с крушением розовой мечты окольцевать Костика.

Сам же Костик, поначалу не особо замечал, что весь женский коллектив деревни к нему охладел. А потом стал подмечать, что и на посиделках к нему никто не подсаживается, в глаза с тоской не заглядывает, да на коленку руку класть не позволяет. Пока однажды Лариска, дав лишку, подошла зигзагами и, залепив кулаком ему в живот, гаркнула *"Сссука,*

куда кубики дел?", а потом взяла его округлившееся лицо в руки и грустно так простонала "Эх, Костик-Костик... мда". Она успела ещё шлепнуть его по щеке, пока Володька не потащил её, пьяную, домой.

А ведь Костик видел, как так же грустно вздыхала его мать Валентина, глядя на сына. Что это было? Да разочарование это было. Самое обычное "я возлагала на тебя такие надежды, а ты..." Это кто сказал, что люди влюбляются в ваш внутренний мир? Наслушаются сказочек про красавицу и чудовище, а потом лицом раза два об жестокую реальность приложатся. В жизни же бабы, выбирая Марлона Брандо из "Трамвая "Желание" и Марлона Брандо из "Дон Жуана де Марко", всегда укажут на первого. А потом уже посмотрят, что там за внутренний и богатый мир, если таковой, конечно, имеется.

Так оно, собственно, работает и в обратном направлении. Ноги, грудь, волосы, где-то там лицо и талия... а вот и душа, родимая, в последнем ящике. Это если до него дойдёт, конечно.

Вот так и все девки, сохли по Костиным кубикам, совершенно не волнуясь о том, а что там за фасадом. Древний, животный инстинкт гнал их к нему, чувствуя силу и стойкость. А когда эта сила размякла, а стойкость пошатнулась, пропало и то звериное желание обладать. А за ним стукнуло отрезвляющее "Вот тебе, бабушка, и Юрьев день". В своей досаде они потянулись к тем, кто ещё сохранил в себе

этот стержень. Так в течение года сыграли четыре свадьбы, а остальные были не за горами.

Костик гулял на всех четырёх в гордом одиночестве. А потом объявил, что женится сам. Девушку он нашёл себе далеко от дома такую, что никогда не слыхала о его былом величии. Да и сама была далеко не так хороша, чтобы её порог обивали претенденты на руку и что-то там ещё. Выведя в люди свою невесту, многие поняли, что фраза "противоположности притягиваются" в этом случае не имеет смысла.

Невеста была Костиком, только в юбке и при макияже. Те же реденькие волосёнки, тот же шарик в области талии. Потом правда выяснилось, что не последнюю очередь в ускорении торжества сыграл её шарик. Но и после того, как невеста разродилась, мало что изменилось в её фигуре. На бракосочетании ещё можно было увидеть в глазах девок тоску сожаления об утраченном, долго они ещё на девичниках шептались *"А помните каким Костик был? Ух!"* Но пару лет спустя такие разговоры перешли уже в стадию анекдота. О кубиках вспоминали со смехом, подтрунивая и подмигивая.

К слову, с годами Костик не только не привёл себя в прежний вид, но и, скажем так, расширил свои границы. И когда кто-то из тёток рассказывал своим дочерям, каким тот был в молодости, те, кривясь, скептически оглядывали фигуру дяди Кости, пытаясь понять, где там затерялись пресловутые кубики. Потому как и мы в своей юности и они в своей, мало куда ушли от той первобытной тяги к крепкому мощному

мужскому телу.

Да и положи руку на сердце, давайте уже признаемся, кому
сдался Босх, когда есть Апполон?